

Ты остановишь взглядом это паденье
И повернешь нас властно к Себе лицом —
И тех двоих, вершащих дневное бденье,
И ту одну, спрятавшуюся в сон,
И голубей, клюющих грязные крошки,
И чайку, забывшую о ветре морском,
И меня на подсохшей,
        криво асфальтированной дорожке,
Идущую из «Пятерочки»
        с хлебом и молоком?

* * *

Моим стихиям несть числа,
Все — во сестрах, и я — меньшая.
Я не желаю сердцу зла,
Но быть жестоким — не мешаю:

Жестоки дети и цветы,
Жестоки музыка и вьюга.
Жестоки зыбкие черты
В тоске оставленного друга.

Жестоки таинство вины
И откровение утраты.
И то, в чем мы еще вольны,
И в чем уже не виноваты.

И все, что схлынуло давно,
Но в сердце заново стучится...

Одна надежда, что оно
Сумеет не ожесточиться.

* * *

Ветер распрямившейся пружиной
В грудь толкнет — и вдруг очнешься: ах,
Сколько детской радости стрижиной
В дерзких поднебесных чертежах,

В синих ослепительных эскизах,
В солнечной кайме по облакам...
Каждый летний день бросает вызов
Каменно слежавшимся векам.

Из заботы утренней дежурной,
Из дневной привычной суеты
День восходит башенкой ажурной
До невероятной высоты,

Где живут уже другие ветры,
Царствуют иные облака,
Где летишь, пока хватает веры,
Любишь и блаженствуешь пока...

* * *

Начать бы эту зиму заново —
Зачем так ластится ко мне
Платочек шелка чужеземного,
Цветы не наши по кайме...

Зачем душа себя нарушила
В угоду страсти и тоске,
Звеня как ледяное кружево
На индевелом волоске?

Блуждает свет за занавесками,
Легко искрит в наплывах льда —
Как пышно расцвели Крещенские
Спасительные холода!

И перед будущими грозами
Сырой и душной летней тьмы
Стоят нетронутыми розами
Большие белые дымы.